

ПОДЛЕМОРЬЕ

Рассказы

ТЯСИНА

Старый матерый изюбр шел по узкой тропе, осторожно ступая на сырую, обильно заросшую пожелтевшей травой, хлюпающую под ногами землю. Он не однажды хаживал тут, ему была знакома каждая выбоина, каждый взнявшийся над трясиной красный бугорок, на котором копошились юркие пушистые зверьки, выискивая надобное для них. Пройдет малое время, и, когда трясина покроется солоновато-горьким льдом, тут вырастут ондатровые избушки.

Нынче трясина, раскинувшаяся верст на пять, показалась изюбру пуще прежнего угрюмой, противной живому, во всякую пору его взбодрявшему естеству здешней тайги. Про нее он много чего мог бы поведать тем двуногим существам, которые, случается, оказываются на пути и норовят укоротить дни его жизни. Не далее как седмицу назад, когда, как и нынче, шел на солонцы, близ высоченного гольца, отгородившего купающуюся в многоцветии солнечную долину от трясины, он повстречал одного из них. И был тот дерзок и упрям, напустил на него собак. Он с трудом отбил от свирепой собачьей своры, но вынужден был повернуть обратно. А ведь ему так хотелось полакомиться солоноватой лесной кашей! Он чувствовал, что как раз ее-то теперь не хватало, чтоб ощутить в себе остатнюю, пусть и не такую, как в молодые годы, однако все еще способную подвинуть к жизни, упругую силу. Но он не спешил идти на солонцы. Как мог, сдерживал это желание, зная, сколь труден путь туда. На солонцы можно попасть, только перейдя трясину, а к ней он уже давно питал отвращение. Что-то подсказывало, как опасна она, как обманчива ее внешняя неустремленность к злу, почти скорбная отрешенность от мира.

Помнится, однажды за ним увязался молодой изюбр. Но недолго шел по его следу. В какой-то момент недалеко от тропы, залитой черной водой, что-то ухнуло, и вязкая трясина как бы стронулась с места, поплыла... Старый изюбр, не первый раз сталкиваясь с тем, что та вдруг обозначала нечто яростное, исходящее из глухого нутра ее, и внимания не обратил на это. Зато тот, что потянулся следом за ним, в страхе, как если бы ощутив под ногами не хлипкую и слабую землю, а огромное гнездо ядовитых змей, которые, точно бы кто-то вспугнул их, поползли в разные стороны, невольно попятился и сбился с тропы. И тут же ощутил, как все его поджарое, упругое тело пронизал лютый холод. Но не холод был страшен, а то, что молодой изюбр был не в состоянии стронуться с места, будто кто-то цепко держал его. И тогда он закричал... Старый изюбр остановился, повернул морду в ту сторону, где теперь была видна лишь одна зверья голова, и тяжело вздохнул. Он знал: трясина еще никого не отпускала. И, может, поэтому, а может, потому что не хотел расталкивать давний страх, который жил в нем, хотя и был неприметен, он сделал вид, будто ничего не случилось.

Старый изюбр, как мог, удавливал страх. Все ж в какой-то момент ощутил беспокойство и снова посмотрел туда, где еще недавно торчала голова молодого зверя, но никого не увидел и побрел дальше, несвечно со своею натурой лихорадочно и с натугой выдергивая ноги из болотной утяги. А что как наступит момент, когда силы покинут его?.. Мороз пробежал по коже. Страх был огрубело упрям и долго не хотел уходить, и понадобилось приложить немало усилий, прежде чем тот отступил. Нет, страх не ушел вовсе, держался в нем, но был слабее, чем прежде, и меньше сковывал его движения.

Старому изюбру, когда он наконец-то обрел спокойствие, не понравилась недавняя неуверенность, посетившая его, и он хотел бы избавиться от нее. И это, хотя и не сразу, удалось. И тогда он увидел молодую березовую рощу и себя в той роще, маленького, шустроногого изюбренька, он был сыт и неспешно тянулся к деревьям длинным шершавым языком, с очевидной неохотой обрывал зеленые, пьяняще пахнущие листья. Рядом с ним паслась его мать, он понимал про родство с нею, однако ж почему-то это не глянулось, и он норовил убежать от изюбрихи, но та всякий раз заступала дорогу.

Потом ее не стало. То ли ушла, когда поняла, что уже не нужна ему? То ли стала добычей тех двуногих существ, что постоянно преследовали их?.. Уже тогда он обучился опасаться людей и не становиться на их пути. Все ж он был только лесным зверем и в молодости не всегда умел унять свой нор. И порой как бы даже

намеренно искал встреч с двуногими существами. А коль скоро такие встречи случались, то и делался пуще прежнего отчаян и вызывающе смел, мог на виду у людей начать рыть копытами твердую землю и глухо и утробно реветь, стараясь выхлестнуть из себя неприязнь, что накапливалась в нем. И однажды поплатился за это. С тех пор в боку побаливало, а как остарел, особенно сильно и чаще в те минуты, когда небо делалось черным, а потом проливалось на землю дождем. Тогда он, хотя и сильно истекал кровью, ушел от преследования. С тех пор редко выходил из глухой тайги и уж не искал встреч с двуногими существами. И даже больше, стоило услышать вяловато ломкий хруст сухих веток под их ногами, убежал прочь. Впрочем, и тогда не терял головы, держался достойно большого сильного зверя.

Рана в боку у изюбра затянулась, когда он, влекомый инстинктом, спустился к Байкалу, забрел в воду и простоял в ней день и ночь. А потом еще день... Никто не учил его этому, как и тому, что не надо бояться моря, если даже оно грохотало, и саженные волны накатывали на круто вздыбленный каменистый берег и разбивались на мелкие серебряные сколки, дивно схожие с теми, которые двуногие существа выпускали из длинных железных палок. Откуда-то из дальних, запорошенных временем лет к старому изюбру пришло чувство единения со священным сибирским морем, наполнило чудной, во благо зверьему роду, упрямой силой.

Охотник шел по тряской, норовящей убежать из-под ног, зеленовато-желтой земле к тому месту, где в изножье хрустально белого гольца, у горного ручья, вытекающего из-под угрюмой каменной стены, под высокой ветвистой травой, нынче, в преддверии осени, изрядно побуревшей, прятались солонцы. Сюда наведывались лесные звери, большие и малые, были они, оказавшись на этой стороне гольца, не так осторожны и нередко забывали об опасности. И легко делались добычей людей. Все остальные хищники, как если бы понимая про святость здешнего места, не осмеливались потревожить покой тех, кто приходил сюда, влекомый инстинктом. Они как бы соглашались с тем, что спешить им некуда. Будет еще время, когда они попытают удачу в схватке ли с изюбром, в погоне ли за легким в беге гураном. Но не теперь... Нет, не теперь и не здесь, где даже маленькая клыкастая кабарожка утрачивала привычную для себя робость. Знала, по неписанному зверьему правилу никто не смеет обидеть ее тут.

На солонцах у Федора Козулина, который нынче, подобно старому изюбру, неспешно брел по зябко дышащей трясине, имелся свой скрадок. Много лет назад он соорудил его на вершине старого кедра, чуть в стороне от искряно-белого ручья, настелив на толстые ветви упругие жердочки. Отсюда хорошо было видно тех, кто приходил на солонцы.

Не время еще сиживать на солонцах, дожидаясь, когда изюбр придет сюда, спустившись с дальних гор. Но Федору надоело заглядывать в настенный календарь и ждать, когда подоспеет время охоты на крупного зверя. К тому же, будучи под хмельком, он пообещал случайным знакомым, встреченным в райцентре на рынке, что, коль скоро те приедут к нему на выселки, он угостит их изюбриными котлетами. А слово, данное хотя бы и людям, кого не больно-то уважал, Федор привык держать.

Нынче на выселках Козулин жил с женой и малолетним сыном. Те, что были постарше, перебрались в поселье на собственные харчи. Кажется, им надоело проминать жизнь с батяней, который был упрям и норовил все выстроить по-своему. Потянуло к чему-то другому, отличному от батяниного мироустройства. Повзрослев, они уперлись и не желали отступать от своего понимания жизни, хотя понимали, что сладить с отцом будет не так-то просто. Но, к их удивлению, батяня недолго кочевряжился, через какое-то время смирился с тем, что сыновья вознамерились вернуться в поселье. Видать, осознал: против собственного корня не попрешь. Напоследок он внимательно оглядел повзрослевших близняшек, им через год идти в армию, спросил:

— А на чё жить-то станете? Никто задарма вас кормить не будет. Нынче ить колхозу нету. Да и люди уж не те... Иль на бабкину пенсию метите? Велика ль она? Небось, в горсти уместятся все те рублевики, кои от щедрот родного государства положены старухе на прокорм.

— Чего ни то сыщем, — изрекли сыны и под материны вопли вышли из дому, а скоро скрылись в березняке, обступившем таежное подворье Козулина.

В свое время Федор старался приучить близнят к лесной жизни. Да проку-то?... Он им: «Иль худо тут: никто не стоит над душой, делай, чё хошь. Бери у тайги все, чего тебе надобно. Было б желание!..» А они в ответ, правда, не сразу и тихонько так, отведя вороватые глаза в сторону, вроде бы даже скорбно: «Да чего тут путного-то? Окромя зверья, никого окрест. Опять же и Ворончихины съехали. Нынче и поговорить стало не с кем, — и добавляли с грустью: — А на море-то, в артели-то, поди, весело. Все вместе».

Он им одно, а они другое... Эх-ка незадача! Федор, конечно, мог бы прибегнуть к чему-то другому. А почему бы и нет?... Однако ж что-то подсказывало: это не поможет. И в конце концов он смирился и теперь уж больше молчал и не норовил поговорить с двойнятами по душам.

Федор держал в памяти те дни, когда, сговорившись со старым приятелем, он покинул поселье. Попервости, когда оказался на таежных выселках, все-то пугало его. Смущало неумение жены приноровиться к новой жизни. Видел, как та вечерами, склонившись над детской кроваткой, где спал сын-малолеток, подолгу, пригорюнившись, сиживала. Нет, жена не попрекала Федора. Понимала, толку от этого не будет. Не обломает мужнино упрямство, хотя бы и стала давить на жалость. Да, он видел, жена не в своей тарелке. Иной раз тянуло

повиниться перед нею. Опять же, за что? Иль он не добра хотел для семьи?.. Обрыдло в поселье. К тому времени рыболовецкий колхоз рухнул. Да и рыба ушла куда-то... Чего было делать? Иль как те, кто половчее, заняться распродажей колхозного добра? Да много ль его осталось-то, господи! На всех не хватит. Опять же, Федор не отличался настырностью. Куда ему было угнаться за теми, другими?..

Однажды он зашел на подворье к Ворончихину, приятелю своему. Разговор завязался. И не то чтобы тягостный, скорее, неожиданный, хотя они и прежде говорили про то, что хорошо бы уехать на выселки, в тайгу...

— А пошто бы и нет? Там по сей день стоят два зимовья. И, надо сказать, просторные. Колхозу-то они были потребны. А нынче уж никому не надобны.

Верховодом был Ворончихин, худенький, в чем душа держится, сладкоголосый мужичок. Он уж давно намеревался поменять обстановку и Федора сбивал с панталыку. Был себе на уме, горазд на придумки. Его словно бы какой-то червь мучил, не давал покоя. Завелся же, окаянный! Это по наущению приятеля в свое время Федор наловчился лазать по тайге и брать от нее все, что попадало под руку: природа у нас дивно богата, с нее не убудет.

— Так ты думаешь, нам лучше на выселки переехать с семьями и постараться зажить по новой?..

— А пошто бы и нет?..

Сказано — сделано. Сходили в тайгу, подладили зимовья, а потом перевезли на выселки свои семьи и все, что было в избах из обстановки, без чего, ну, никак нельзя... Правда, стариков с собой не взяли. Оставили стариков помирать.

Мало-помалу бабы начали привыкать к таежной жизни. Да и некогда было долго горевать: надумали огородами обзавестись, а с ними работы не приведи сколько... Но совладали-таки. И вот уж свои зелены на столе появились. Самое то к мясу. А в нем нынче недостатку не было. Вроде бы стало все налаживаться, да вот беда: Ворончихин-старший вдруг заболел, кашлять стал кровью. Зачастил в райцентр, в поликлинику. Не помогло. Помер бедолажный. Велел похоронить себя на поселском кладбище рядом с родителями.

С той поры скучновато сделалось на выселках. Уж редко когда теперь сиживали за праздничным столом. А чуть погода вдова Ворончихина и вовсе собрала вещички, сказала со вздохом:

— Не могу тут больше. Все родименький снится и зовет куда-то. И зовет... Страшно. И больно.

Уехала со всей своей ребятней. А чуть погода и близнецы Федора стали выказывать недовольство житьем на выселках. Потом и они отъехали.

Старый изюбр медленно, с напрягой, которая ощущалась во всем его большом теле, шел по булькающей, то и дело уходящей из-под ног, едва проглядываемой в густом, изжелта-черном тумане, тряской тропе. И не сразу он догадался, что кто-то идет по его следу. А может, и не так вовсе, и не по его следу, а по единственно способной вывести к солонцам, скользкой увертливой тропе, по которой шел теперь и он сам?.. Старый изюбр ощутил легкое беспокойство, про него он едва ли мог что-то знать, было слабое и все время ускользало, ничего не оставляя вместо себя, а потом и нечто посильнее легкого беспокойства, может статься, тревогу. Чуть позже она сдвинула в нем и явственно сказала, что он не один нынче потянулся к солонцам. Есть еще кто-то, уцепившийся за его след. Скорее, это двуногое существо, которое ничего не боялось и даже на такой зыбкой и неверной тропе, что раскакала таежную трясину надвое, чувствовало себя в своей тарелке. Это существо обладало способностью появляться неожиданно и как раз там, где его не ждали. И появлялось с единственной целью — причинить зло обитателям здешней тайги, а часто и тем, кто никого не обижал, был тихий и колеблемый даже слабым ветром, хотя бы той же кабарожке...

Старый изюбр придержал шаг и, вытянув морду, глянул в ту сторону, где скрывались в густой рыжей траве солонцы. До них оставалось совсем немного. А потом он обернулся назад и тут отчетливо почувствовал приближение двуногого существа. Впрочем, он еще не уловил запаха, исходящего от него, однако, напрягшись, смог услышать упрямое и злое разбрызгивание тяжелой черной воды. Этого было достаточно, чтобы старого зверя начало трясти, как если бы лютый мороз, до которого было еще далеко, вошел в него и пересчитал все косточки. Но это было не так, и он догадывался, что это было не так. Однако что же он мог поделать с собой, коль скоро все, что теперь происходило с ним, не зависело от его воли, но от чего-то другого, сжавшего его упругим жестким страхом. И не было сил бороться с ним. У него вдруг заболела старая рана в боку, а рубцы пуше прежнего налились кровью. У изюбра возникло ощущение, что он вернулся в свое прошлое, о котором хотел бы запомнить, но не мог, оно упорно жило в нем и напоминало о себе, как раз тогда, когда он меньше всего хотел этого. Бог ты мой, что же происходило с ним, отчего он сделался растерян и подавлен, хотя еще ничего худого не случилось, и он не сбился с тропы?.. Все в его большом теле теперь было подчинено страху. К тому ж в глазах в какой-то момент помутилось, они стали хуже видеть. Он уже не мог разглядеть дальних, покрытых снежным покрывалом, гольцов. Напрочь исчезло ощущение бесконечности того, что в прежнее время открывалось взору. Все до предела сузилось, ослабло и ни к чему не подталкивало, не заставляло сердце биться сильнее. Неожиданно показался себе маленьким и беспомощным, то есть таким, каким никогда не был. Разве что в те далекие годы, когда тянулся к молочным сосцам рыжей изюбрихи. В те поры, и верно, он нередко казался самому себе слабым и ни к чему не способным. И, если б не рыжая изюбриха, сгинул бы, не умея уйти от преследования волчьей стаи. Но та умела отбиться от серых разбойников, разметать их, побить тяжелыми копытами. Пожалуй, рыжая